

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА КАК ГЛОБАЛЬНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ПЕРЕЛОМ И ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В XX ВЕКЕ

THE FIRST WORLD WAR AS A GLOBAL HISTORICAL TURNING POINT AND A FACTOR IN THE TRANSFORMATION OF INTERNATIONAL RELATIONS IN THE 20TH CENTURY

**S. Vititnev
V. Bruz
Ya. Artamonova**

Summary: The military conflict of 1914–1918 ended a lengthy period of relative stability of the European system that had taken shape after the Congress of Vienna of 1815 and set in motion a restructuring of the entire mechanism of interstate interaction. Historiography differs in assessing where the true boundary between the «long 19th» and the «short 20th» century lies and to what extent the events of 1914 may be interpreted as a single civilizational rupture. The aim of the work is to determine what precisely constituted the transformation of international relations brought about by the war and why its outcomes proved at once radical and unstable. The historical-genetic method, a systemic reconstruction of the international order and a comparative-historical examination of the pre-war and post-war configurations were applied. It was established that the war destroyed the multipolar balance of the great powers, led to the collapse of four empires and brought to the fore two new centres of influence with opposing ideological foundations. The Versailles-Washington system fixed the redistribution of power in legal form, yet it carried within it the contradictions that gave rise to the revisionism of the 1930s. The displacement of the real centre of gravity beyond Europe and the ideologization of foreign policy mean that the initial question of the character of the turning point is resolved in favour of treating the war as the beginning of a new type of world order, while the former distribution of forces thereby lost its defining significance.

Keywords: First world war, international relations, Versailles-Washington system, balance of power, transformation of the world order, collapse of empires, geopolitics, 20th century.

Вититнев Сергей Федорович

Доктор исторических наук, профессор,
Российский государственный социальный университет
svititnev@yandex.ru

Бруз Владимир Виленович

Доктор исторических наук, профессор,
Государственный университет просвещения
vvb54@yandex.ru

Артамонова Ярославна Сергеевна

Доктор политических наук, кандидат социологических наук, профессор, Московский технический университет связи и информатики
mei_2018@inbox.ru

Аннотация: Мировой военный конфликт 1914–1918 гг. завершил длительный период относительной стабильности европейской системы, сложившейся после Венского конгресса 1815 г., и запустил перестройку всего механизма межгосударственного взаимодействия. Историография расходится в оценке того, где проходит подлинная граница между «долгим XIX» и «коротким XX» столетием и насколько события 1914 г. правомерно трактовать как единый цивилизационный разрыв. Цель работы – определить, в чём именно состояла трансформация международных отношений, вызванная войной, и почему её результаты оказались одновременно радикальными и неустойчивыми. Применён историко-генетический метод, системная реконструкция международного порядка и сравнительно-исторический разбор довоенной и послевоенной конфигураций. Установлено, что война разрушила многополюсный баланс великих держав, привела к распаду четырёх империй и вынесла на первый план два новых центра влияния с противоположными идейными основаниями. Версальско-Вашингтонская система закрепила перераспределение сил юридически, однако несла в себе противоречия, породившие ревизионизм 1930-х гг. Смещение реального центра тяжести за пределы Европы и идеологизация внешней политики означают, что исходный вопрос о характере перелома решается в пользу трактовки войны как начала нового типа мирового порядка, а прежняя расстановка сил при этом утратила определяющее значение.

Ключевые слова: Первая мировая война, международные отношения, Версальско-Вашингтонская система, баланс сил, трансформация мирового порядка, распад империй, геополитика, XX век.

Введение

Система международных отношений, оформившаяся после наполеоновских войн и закреплённая решениями Венского конгресса 1815 г., опиралась на согласие пяти великих держав и подвижный баланс сил. К началу XX в. этот механизм исчерпал ресурс саморегуляции: колониальный раздел мира завершился, а

рост Германской империи нарушил привычную расстановку. И.В. Турицын рассматривает мировые войны как особый исторический феномен, требующий отдельного теоретического аппарата [13]; такая постановка вопроса позволяет отделить конфликт 1914–1918 гг. от предшествующих европейских войн ограниченного масштаба.

Оценка места этой войны в истории XX в. остаётся

предметом спора. Часть исследователей видит в ней завершение прежней эпохи, часть – начало новой; А.В. Панфилец и А.Л. Бредихин, разбирая причины и последствия обеих мировых войн, указывают на их генетическую связь и трактуют период 1914–1945 гг. как единый кризис европейского миропорядка [11]. Расхождение касается и того, что считать результатом войны: перекройку границ, слом системы великих держав или сдвиг в самих принципах, на которых строилось межгосударственное общение. Согласия по этому пункту в специализированной литературе нет, и вопрос о том, был ли 1914 г. точкой цивилизационного разрыва или лишь ускорителем уже начавшихся процессов, нуждается в отдельной проверке.

Настоящая работа исходит из предположения, что война не свелась к переделу территорий, а изменила сам тип международного порядка. Проверка этого предположения предполагает сопоставление довоенной и послевоенной конфигураций по нескольким основаниям: состав и статус ведущих акторов, принципы легитимации границ, механизмы поддержания порядка.

Понятие трансформации международных отношений в связи с мировыми войнами разработано преимущественно на материале второй из них. Г.Н. Канинская, обобщая переход от многополярности к биполярному миру, показывает, что каркас послевоенного устройства закладывался ещё в межвоенные десятилетия [5]. Приложение этой оптики к событиям 1914–1918 гг. обнаруживает, что многие черты, обычно относимые к середине столетия, зарождаются на два поколения раньше.

Материалы и методы исследования

Исследование опирается на историко-генетический метод, позволяющий проследить формирование предпосылок конфликта от рубежа XIX–XX вв. до июльского кризиса 1914 г. Реконструкция международного порядка выполнена системным методом: довоенная и послевоенная конфигурации описаны как совокупности акторов, связей между ними и правил, регулирующих эти связи. Сравнительно-исторический разбор двух конфигураций служит основным инструментом для выявления характера перелома.

Эмпирическую основу составили решения Парижской мирной конференции 1919–1920 гг., текст Версальского договора от 28 июня 1919 г. и сопутствующих договоров с бывшими союзниками Германии, Статут Лиги Наций, а также данные о территориальных и демографических изменениях, вызванных распадом Российской, Германской, Австро-Венгерской и Османской империй. К.Н. Лобанов при разборе влияния военной силы на политико-территориальные трансформации предлагает рассматривать перекройку карты как производную от

соотношения силовых потенциалов [8]; этот подход учтён при описании послевоенных границ.

Хронологические рамки охватывают период от завершения колониального раздела мира в конце XIX в. до подписания Локарнских договоров 1925 г., фиксирующих временную стабилизацию. Отбор фактов подчинён задаче сопоставления; полнота описания военных событий в задачи работы не входит.

Результаты и обсуждение

Довоенная система международных отношений к 1914 г. утратила гибкость, обеспечивавшую её устойчивость на протяжении предшествующего столетия. Оформление двух противостоящих блоков – Тройственного союза и Антанты – превратило локальные трения в предпосылку общеевропейского столкновения. Д.А. Федотов, разбирая противоречия системы накануне войны, выделяет несовместимость колониальных и континентальных интересов ведущих держав как узел, который дипломатия к началу века лишь откладывала, не устраняя [14]. Балканский кризисный очаг, австро-русское соперничество и германо-британское морское соревнование накладывались друг на друга и создавали несколько независимых линий напряжения одновременно.

Механизм сползания к войне летом 1914 г. показывает, насколько сократилось пространство дипломатического манёвра. Г.И. Шишлянникова, рассматривая обострение международной ситуации в последние предвоенные месяцы, отмечает, что система союзнических обязательств лишила отдельные правительства свободы выбора: локальный конфликт Австро-Венгрии и Сербии автоматически втягивал континентальные державы [15]. Убийство эрцгерцога Франца Фердинанда 28 июня 1914 г. в Сараево послужило поводом, а не причиной; июльский кризис развернул заранее заготовленные мобилизационные планы, изменить которые военные штабы уже не могли без потери стратегического темпа.

Подготовка к войне велась не одно десятилетие. А.П. Любимов и Ю.Г. Михайлов прослеживают, как военнотехническое и дипломатическое обеспечение будущего конфликта складывалось на протяжении всего начала XX в., и связывают неизбежность столкновения с логикой гонки вооружений [9]. К 1914 г. совокупная численность мобилизуемых армий великих держав измерялась миллионами, а планы кампаний исходили из расчёта на быструю победу.

Война 1914–1918 гг. по своему характеру порвала с предшествующей военной практикой. С.В. Горкуш обосновывает историческую обусловленность конфликта как первого подлинно глобального столкновения новейшей истории, охватившего не только Европу, но и ко-

лонияльные владения, Ближний Восток, акватории трёх океанов [3]. В боевые действия оказались вовлечены свыше тридцати государств; фронт перестал быть линией соприкосновения армий и превратился в непрерывную укрепленную полосу, а тыл вошёл в состав военной машины.

Индустриализация войны изменила её содержание. А.В. Сержантов, прослеживая трансформацию содержания войны от прошлого к современности, датирует этим периодом переход к тотальной мобилизации экономики и населения, когда исход определяется промышленным потенциалом в не меньшей степени, чем действиями на фронте [12]. Появление авиации, танков, химического оружия, подводного флота сдвинуло само представление о допустимых средствах. Военные потери превысили девять миллионов человек убитыми, что не имело прецедента и подорвало демографическую и психологическую основу европейского общества.

Э.М. Оздамирова, суммируя причины, ход и влияние войны на мировую историю, обращает внимание на её роль катализатора социальных потрясений: экономическое истощение и человеческие потери подготовили революционные события в ряде воюющих стран [10]. Российская империя вышла из войны, не дождавшись её окончания.

Прямым итогом войны стал распад четырёх многонациональных империй. Крушение Российской, Германской, Австро-Венгерской и Османской монархий за три года высвободило пространство от Балтики до Персидского залива и создало на нём около десятка новых государств. В.П. Булдаков, разбирая геополитическое измерение войны и её воздействие на массовое сознание, показывает, что имперский коллапс сопровождался высвобождением национальных и социальных движений, которые прежний порядок сдерживал [1]. Политическая карта Центральной и Восточной Европы, устойчивая с середины XIX в., была перекроена за считанные годы.

Образование новых государств шло по принципу национального самоопределения, впервые возведённому в ранг международно признанного основания государственности. Прежняя логика легитимации границ через династическое право и соглашение великих держав отступила. Проведение границ по этническому признаку в областях со смешанным населением при этом порождало новые меньшинства и закладывало будущие территориальные споры, отчего стабильность нового устройства оказалась мнимой уже на старте.

Версальско-Вашингтонская система юридически закрепила итоги войны. Версальский договор 28 июня 1919 г., договоры с Австрией, Венгрией, Болгарией и Турцией, а также решения Вашингтонской конферен-

ции 1921–1922 гг. очертили новую расстановку сил. Центральным нововведением стала Лига Наций – первая универсальная организация, призванная поддерживать коллективную безопасность и разрешать споры без обращения к войне. Идея наднационального арбитража меняла сам принцип поддержания порядка: место подвижного баланса занимала институционализированная процедура.

Реальный центр тяжести мировой политики сместился за пределы Европы. Соединённые Штаты, выступившие решающей силой на завершающем этапе войны и превратившиеся из должника в кредитора союзников, впервые заявили о претензии на формирование мирового порядка. А.Н. Гольцов, разбирая укрепление Великобритании и перенастройку её диалога с западноевропейскими государствами в первые межвоенные десятилетия, показывает, что даже державы-победительницы вынуждены были встраиваться в новую иерархию, где вес заокеанского участника неуклонно рос [2]. Одновременно на востоке Европы возникло государство принципиально нового типа, положившее в основу внешней политики идеологию мировой революции.

Идеологизация международных отношений составила отдельный результат войны. О.В. Кильдюшов, обращаясь к рассуждениям Макса Вебера о трагизме положения великой державы, напоминает, что уже современники осознавали исчерпание прежней модели силовой политики и мучительно искали новые основания легитимности [6]. Вильсоновский либеральный интернационализм и большевистский интернационализм предложили два конкурирующих проекта мироустройства, каждый из которых претендовал на универсальность. Внешняя политика впервые в такой мере оказалась привязана к идейным программам; прежняя модель, опиравшаяся только на государственный интерес, утратила монополию.

Новый порядок с самого начала нёс в себе источник собственного разрушения. Репарационная нагрузка на Германию, лишение её колоний и части территорий, ограничение вооружённых сил создавали устойчивый ревизионистский заряд. Л.В. Ланник, исследуя германские военные миссии межвоенного периода как посттравматический опыт, показывает, что поражение не устранило имперских амбиций, а перевело их в латентную форму, которая искала выхода на протяжении 1920–1930-х гг. [7]. Версальское урегулирование, задуманное как гарантия мира, обернулось источником напряжения, разрядка которого потребовала второго мирового конфликта.

Попытки стабилизировать систему предпринимались на протяжении первого послевоенного десятилетия. Локарнские договоры 1925 г. и принятие Германией в Лигу Наций в 1926 г. обозначили курс на реинтеграцию

побеждённых, однако коренных противоречий передела они не затронули. Л.И. Ивонина, обращаясь к историческому опыту международных конгрессов и роли европейского общества в поддержании мира, показывает, что прочность любого послевоенного устройства зависит от готовности великих держав признать его справедливым [4]. Версальская система такого признания со стороны проигравших не получила, чем и объясняется её недолговечность.

Сопоставление довоенной и послевоенной конфигураций обнаруживает перелом сразу по нескольким основаниям. Изменился состав ведущих акторов: место пяти европейских великих держав заняла асимметричная структура с внеевропейским лидером и идеологическим претендентом на востоке. Изменился принцип легитимации границ: династическое право уступило место национальному самоопределению. Изменился механизм поддержания порядка: подвижный баланс сменился попыткой институционализированной коллективной безопасности.

Радикальность этих сдвигов сочеталась с их неустойчивостью. Ни один из трёх новых принципов не был реализован последовательно. Внеевропейский лидер уклонился от участия в созданной по его инициативе Лиге Наций, самоопределение обошло стороной колониальные владения победителей, коллективная безопасность не получила силового обеспечения. Отсюда двойственная природа перелома: по глубине он сопоставим со сломом венской системы 1815 г., по прочности результатов уступал ей значительно.

Тем самым события 1914–1918 гг. правомерно рассматривать как начало нового типа международного порядка, а не как эпизод в рамках прежнего. Незавершённость перехода, оставившая систему в состоянии неустойчивого равновесия почти на два десятилетия, лишь подтверждает масштаб произошедшей перестройки.

Заключение

Обобщая проведённое сопоставление, следует признать за войной 1914–1918 гг. значение перелома, затро-

нувшего устройство международной системы в целом. Разрушение многополюсного баланса великих держав, распад четырёх империй и вынесение на первый план двух центров влияния с противоположными идейными основаниями складываются в картину качественного изменения, которое не сводится к простому перераспределению сил.

Три принципа, на которых строилась послевоенная система, – коллективная безопасность через наднациональную организацию, национальное самоопределение как основание государственности, признанное первенство внеевропейской державы, – не имели аналогов в устройстве XIX в. Каждый из них позднее лёг в основу международного порядка второй половины столетия, что позволяет отсчитывать становление современной системы международных отношений от Парижской мирной конференции 1919 г.

Неустойчивость Версальско-Вашингтонской системы вытекала из её происхождения. Урегулирование, не признанное справедливым проигравшей стороной и не обеспеченное силовыми гарантиями, сохраняло ревизионистский потенциал, реализовавшийся к концу 1930-х гг.

Спор о том, где пролегает граница между XIX и XX столетиями, решается в пользу датировки перелома 1914 годом. Именно тогда прервалась вековая линия относительной устойчивости, восходящая к 1815 г., и запустился процесс, определивший политическое лицо всего последующего периода: идеологизацию внешней политики, дробление империй на национальные государства, перенос центра мировой политики за океан. Промежуток 1914–1945 гг. при таком прочтении предстаёт единым кризисом перехода: первая фаза создала новую систему, вторая устранила заложенные в ней противоречия.

Трактовка Первой мировой войны как исходной точки трансформации международного порядка меняет оптику анализа последующих кризисов XX в.: их истоки во многом обнаруживаются в незавершённости урегулирования 1919 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булдаков В.П. Первая мировая война: геополитика и массы // Российская история. 2022. № 3. С. 95–108.
2. Гольцов А.Н. Роль Первой мировой войны в укреплении Великобритании на мировой арене и новый формат диалога с западноевропейскими государствами в первые десятилетия межвоенного периода // Вестник Калужского университета. 2024. № 2 (63). С. 5–13.
3. Горкуш С.В. Историческая обусловленность Первой мировой войны как глобального конфликта новейшей истории человечества // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2023. № 2–1. С. 6–11.
4. Ивонина Л.И. Торжество мира: международные конгрессы и европейское общество в эпоху дворов и альянсов // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13. № 1 (111).
5. Канинская Г.Н. Вторая мировая война и трансформация международных отношений // Новая и новейшая история. 2021. № 2. С. 213–218.

6. Кильдюшов О.В. Политика как судьба: Макс Вебер о трагизме положения великой державы // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. № 3 (121). С. 104–111.
7. Ланник Л.В. Метаморфозы превосходства: германские военные миссии межвоенного периода как (пост)травматический опыт экспансии // Новая и новейшая история. 2024. № 4. С. 115–132.
8. Лобанов К.Н. Фактор военной силы и его влияние на политико-территориальные трансформации в условиях перехода к постглобальному миропорядку // Via in Tempore. История. Политология. 2024. Т. 51. № 2. С. 474–485.
9. Любимов А.П., Михайлов Ю.Г. XX век. Подготовка к Первой мировой войне // Вестник Дипломатической академии МИД России. Международное право. 2022. № 2–3 (17–18). С. 66–97.
10. Оздамирова Э.М. Первая мировая война причины, ход войны и её влияние на мировую историю // Тенденции развития науки и образования. 2024. № 110–4. С. 120–122.
11. Панфилец А.В., Бредихин А.Л. Мировые войны в XX в.: причины и последствия // Ученые заметки ТОГУ. 2023. Т. 14. № 4. С. 37–44.
12. Сержантов А.В. Трансформация содержания войны: от прошлого к современному // Военная мысль. 2021. № 1. С. 45–56.
13. Турицын И.В. Феномен мировых войн: проблемы историко-теоретического осмысления // Современная научная мысль. 2022. № 5. С. 78–104.
14. Федотов Д.А. Противоречия системы международных отношений накануне Первой мировой войны // Наукосфера. 2021. № 4–1. С. 15–21.
15. Шишляникова Г.И. Некоторые аспекты обострения международной ситуации накануне Первой мировой войны // Проблемы социальных и гуманитарных наук. 2025. № 1 (42). С. 33–38.

© Вититнев Сергей Федорович (svititnev@yandex.ru), Бруз Владимир Виленович (vvb54@yandex.ru),
Артамонова Ярославна Сергеевна (mei_2018@inbox.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»